Антипатриотизм стремительней ковида

К 80-летию Московской битвы

(Начало – стр. 1)

* * *

Рассказывал студентам-первокурсникам онлайн о роли прессы хоть в мирное, хоть в военное время, хоть в реальном сражении, хоть в виртуально-информационной битве. И вдруг остро вспомнил, что 80 лет назад были казнены фашистами две героические девушки – Зоя и Вера. Прежде всегда в эти дни был в журналистских дорогах, на телесъёмках, готовил передачи и корреспонденции о Московской битве. А сегодня – хотя бы молодым рассказать: ведь ничегошеньки не знают. Телевидение, даже канал ТВЦ, к этим славным страницам – вообще не обращается. 80 лет Александру Маслякову – по всем телеканалам, а 80 лет победы под Москвой – нигде…

О роли журналиста… Январской ночью 1942 года, во время боев за Можайск, несколько журналистов оказались в уцелевшей от пожара избе деревни Пушкино. Корреспондент «Правды» Петр Лидов разговорился с пожилым крестьянином, возвращавшимся в родные места, в район Вереи. Старик рассказал, что оккупация настигла его в Петрищеве, где он видел казнь какой-то девушки-москвички: *«Ее вешали, а она речь говорила. Ее вешали, а она все грозила им…»*. Рассказ старика потряс Лидова. И той же ночью он ушел в Петрищево. Шесть раз выезжал туда корреспондент. И не успокоился до тех пор, пока не переговорил со всеми жителями села, не разузнал все подробности гибели нашей русской Жанны д'Арк – так называл он «Зою». «Нужна фотография. Это поможет узнать, кто она такая», – решает Лидов. И вновь едет в Петрищево, теперь уже вместе с фотокорреспондентом «Правды» Сергеем Струнниковым. Вскрывают могилу, фотографируют. В те дни Лидов познакомился с партизаном из местного верейского отряда. Посмотрев на фотографию казненной, боец узнал в ней девушку-диверсантку, встреченную им в лесу накануне разыгравшейся в Петрищеве трагедии. Та называла себя Таней. Под этим именем и вошла героиня в знаменитую статью Лидова. И лишь потом открылось, что это псевдоним.

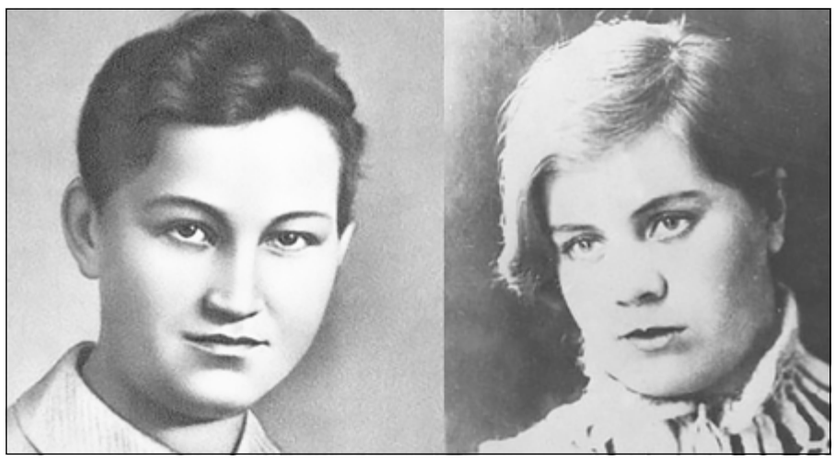
Напомним, что Зоя Космодемьянская стала первой женщиной, посмертно удостоенной звания Героя Советского Союза во время Великой Отечественной войны. В ноябре 1941 года партизанка была схвачена и замучена офицерами 332-го полка вермахта. В годы войны и послевоенное время Космодемьянская олицетворяла собой героизм советского народа, ей посвящены многочисленные литературные произведения, картины и скульптуры. Памятники Зое установлены на Минском шоссе, в Рузе, в московских Химках. О героине был снят впечатляющий чёрно-белый фильм, который почему-то давно не показывают, а я его несколько раз смотрел с замиранием сердца в Замоскворечье, в кинотеатре «Зорька». Новая цветная версия «Зоя» была подвержена справедливой критике. В период расцвета махрового антисоветизма в прессе (первым тут был, конечно, «Московский комсомолец», а потом «АИФ»), ну и затем на ТВ и в интернете появлялись какие-то «откровения-обличения». Например, не так давно карикатурист Андрей Бильжо выдвинул бильжопино утверждение, что Зоя болела шизофренией, пошла в деревню Петрищево, где не было немцев, самовольно, без приказа командира отряда… Ну и другие варианты, один подлее другого.

Напомню, рассказ профессора Сергея Кара-Мурзы: «…Читал я лекцию в Бразилии перед обществом психологов. Тему они задали такую: «Технология разрушения образов в ходе перестройки». Я рассказывал факты, приводил выдержки из газет. А смысл слушатели понимали лучше меня. Особенно их заинтересовала кампания по дискредитации Зои Космодемьянской. Мне задали удивительно точные вопросы о том, кто была Зоя, какая у нее была семья, как она выглядела, в чем была суть ее подвига. А потом объяснили, почему именно ее образ надо было испоганить – ведь имелось множество других героинь. А дело в том, что она была мученицей, не имевшей в момент смерти утешения от воинского успеха (как, скажем, Лиза Чайкина). И народное сознание, независимо от официальной пропаганды, именно ее выбрало и включило в пантеон святых мучеников. И ее образ, отделившись от реальной биографии, стал служить одной из опор самосознания нашего народа».

Именно такие опоры не только нашего народа, но и всех славянских народов – разрушали в первую очередь! А ведь казалось бы – внучка священника, патриотка, безусловная первая Героиня, даже по воспоминаниям и фото немцев. Нет, всё равно надо было испоганить…

Во второй половине октября, в самые трагические для Москвы дни, отбирали лучших комсомольцев для работы в тылу врага. Их вызывали в райкомы, где им вручали путевки. Затем в здании ЦК ВЛКСМ с каждым беседовали секретарь МГК комсомола А.Н. Шелепин и руководители разведывательно-диверсионной войсковой части №9903. Как вспоминал Д.М. Дмитриев, 26 октября около 30 юношей и девушек вызвали в горком. Разговор в кабинете Шелепина был кратким и жестким. «Родине нужны бесстрашные патриоты, способные перенести самые тяжелые испытания, готовые на самопожертвование, – говорил Шелепин. – Хорошо, что все вы согласились пойти в немецкий тыл сражаться с врагом. Но может случиться, что 95% из вас погибнут. Если кто-то из вас не готов к таким испытаниям, скажите прямо. Никто вас не осудит. Свое желание биться с врагом реализуете на фронте». Однако «отказников» не оказалось. Отобрали приблизительно две тысячи человек. Их партиями собирали в кинотеатре «Колизей» (ныне театр «Современник»), а затем в крытых грузовиках отвозили в войсковую часть №9903, располагавшуюся в Кунцеве.

После подготовки спецназовцев (конечно, не партизан, как называли их фашисты) 20 ноября командиры диверсионных групп части №9903 П.С. Проворов и Б.С. Крайнов получили задание «сжечь 10 населенных пунктов: Анашкино, Грибцово, Петрищево, Усадково, Ильятино, Грачево, Пушкино, Михайловское, Бугайлово, Коровино, Головково. Срок выполнения – 5-7 дней». На задание группы уходили вместе. Среди бойцов были Зоя Космодемьянская, Вера Волошина, Клава Милорадова и другие. В тот же самый день 29 ноября в 10 километрах от Петрищева, где погибла Зоя Космодемьянская, в деревне Головково была повешена на арке ворот ее боевая старшая подруга Вера Волошина, чья группа попала в засаду возле Крюково. О ее подвиге тоже рассказали местные жители. Тяжело раненную комсомолку немцы привезли в деревню Головково. Начался допрос, её зверски пытали, истязали, но так ничего и не добились. Истерзанную девушку снова бросили в машину и повезли на казнь. Когда солдаты опустили борта машины, жители увидели лежавшую в кузове Веру. Палачи хотели подняять ее, чтобы набросить на шею петлю, но она оттолкнула их и, цепляясь рукой за кабину грузовика, медленно встала. В наступившей тишине раздался звонкий голос: «Вы пришли в нашу страну и найдете здесь свою смерть! Москву вам не взять…». И запела «Интернационал»…



По легенде, именно с Волошиной скульптор Иван Шадр, бывший в свое время учеником самого Гогена, лепил знаменитую Девушку с веслом для ЦПКиО имени Горького. Прежде чем приступить к работе, Шадр долго ходил по стадионам и спортивным площадкам в поисках подходящей модели. Во время одной из таких прогулок он якобы и обратил внимание на студентку Московского института физкультуры Веру Волошину, которая успела стать чемпионом будущего города Кемерово по прыжкам в высоту. Великолепно сложенная девушка обратила на себя внимание скульптора, когда прыгала в воду с вышки на Водном стадионе. Легенду скептики развенчивают на том основании, что Вера не могла так рано приехать в Москву. Но ведь были какие-то основания? Страшно писать, но на немецкой фотографии даже у повешенной красавицы, которую перевесили потом на ветвь многоствольной ивы – идеальная фигура… В деревне Головково стоит памятник на месте казни, а именем Волошиной назван единственный лицей. Зашёл на их сайт, увидел какую-то искажённую коровью морду на обложке. Не выдержал и написал: «Вы что, не можете оформить страницу в ФБ так, чтобы было видно и понятно: лицей носит имя настоящей Героини? Позор…». Да, муниципальное учреждение – лицей имени Героя России Веры Волошиной находится в сельской местности и имеет сельскохозяйственный профиль, но надо приучать детей гордиться историей своей страны, брать наглядный пример с самых достойных.

По состоянию здоровья Вере пришлось перевестись в институт кооперативной торговли. До начала Великой Отечественной Вера Волошина отучилась там три курса, была отличницей и редактором стенной газеты. Со своим возлюбленным Юрием Двужильным, к 1941 году – офицером, прошедшим финскую кампанию и награждённым орденом Красного Знамени, Вера дружила со школьной скамьи. Они собирались пожениться в 1942 году. Но война готовила им другую судьбу… Они оба, и Вера и Юрий, за разные подвиги посмертно получили звание Героев: капитан Юрий Двужильный – Советского Союза (в конце войны он погиб под Могилёвом в контратаке, подняв за собой батальон), а его любимая стала Героем России в 1994 году. Ещё в 1936 году Вера писала заявление с просьбой отправить ее в Испанию, для участия в гражданской войне, но получила отказ. А вот осенью 1941-го попала в ту же часть специального назначения, что и Зоя. Конечно, 22-летняя Волошина, комсорг группы, была опытнее вчерашней 18-летней школьницы Зои Космодемьянской, уже бывала за линией фронта в Завидово и делилась боевым опытом. Однако, если гибель Зои, благодаря журналистам, получила широкий резонанс, то о Вере вспомнили только в 1966 году, когда в нашей стране широко отмечали двадцатипятилетие битвы под Москвой. Указом Президиума Верховного совета СССР Вера Волошина была посмертно награждена Орденом Отечественной войны, а 6 мая 1994 года указом Президента РФ Вере Даниловне Волошиной было посмертно присвоено звание Герой Российской Федерации.

Поэт Николай Дмитриев работал учителем в соседнем Рузском районе и написал антологическое стихотворение «Зоя»:

Она назвала себя Таней,
Не зная, что в гордой красе
Несломленной, бронзовой встанет
Над Минским летящим шоссе.
Что, славя московские зори,
Ей горн пионерский споёт.
– Куда вам? До Зои? – До Зои.
Кондуктор билет оторвёт…

Многие ли сегодня берут билет и едут до Зои, особенно школьники и студенты?

Александр БОБРОВ

Анатолий БАЙБОРОДИН

Молох технократии и его жрецы

Прозорливое провидение Александра Куприна

Созданная на исходе царской эпохи, повесть Александра Куприна «Молох» в нынешнем электронно-синтетическом столетии обрела жгучую остроту и великий смысл, ибо «молох технократии» набрал апокалипсическую мощь, способную опрокинуть в бездну земную цивилизацию и вскинуть пяту на Вселенную. Коли Господь не укротит… К сему в теперешней России возродилась изображённая Куприным каста «жрецов молоха», и при диком капитализме – суть, дьявольском прагматизме и нравственном цинизме – возымел он и дикую, бесконвойную силу.

Напомню: Молох – божество огня и брани у древних финикийцев, жуткое, кровожадное божество, коему жрецы отдавали на заклание людей, не щадя и детей.

Александр Иванович Куприн в двадцать шесть лет от роду создал повесть «Молох», узревшую свет в 1896 году в народном журнале «Русское богатство». И в сей повести воочию воплотилась всечеловечная горняя мудрость избранных произведений русской словесности, кои рождались даже в подсознательном послушании Богу. Горняя мудрость Куприн-ского таланта выразилось в том, что уже в начальном творчестве писатель сумел осознать душой, осмыслить и художественно воплотить трагедию человека, чью душу и плоть перемалывает Молох технического прогресса, тем паче в руках мертводушного буржуа. От сей глобальной трагедии веет библейским концом света и воцарением Зверя…

«Молох» в художественном, психологическом отношении, возможно, и уступает избранным сочинениям Александра Куприна …слишком силён в ущерб художественности публицистический накал повествования… тем не менее, благодаря философско-этическому и социальному осмыслению трагедии, благодаря искреннему состраданию страдающим, повесть – явление русской словесности. Произведение Куприна – художественно-публицистическое сочинение, хотя и не в духе либерально-демократической идеологии, не в духе народнической либо революционно-демократической, обличительной литературы, которая страдала митинговостью и заземленностью, сводя глобальные мировые духовно-нравственные трагедии человечества лишь к «порочности» православно-самодержавного правления и противостояния богатых и бедных. В силу народности, а посему и всемирности писательского дарования, Александр Куприн в осмыслении человеческого бытия вздымается от узко социального к глобальному: писатель мрачно изображает техническую цивилизацию, ужесточённую буржуазной алчностью, несущую погибель человеку – подобию Божию и земле – Творению Божию.

Загадочна бытовая история человечества: скажем, десять тысяч лет назад человек одомашнил корову и коня, и тысячелетия до начала двадцатого столетия человек почти не менял бытовой образ жизни, но, быстро меняя в прошлом веке, в нынешнем стремительно изжил тысячелетний быт, вверив себя машине.

До рождения Киевской Руси восточнославянское язычество прошло исторический путь, измеряемый тысяче¬летием, сопровождаемый величайшей материальной и духовной культурой …славянская античность: прикладное творчество, календарно-обрядовая поэзия… и это восточнославянское тысячелетие и почти два тысячелетия от возникновения Киевской Руси «мир природы, – как писал академик Борис Рыбаков, – оставался неизменным», как неизменным оставался и нравственный мир природного славянина. А в нынешнем веке, «благодаря» невиданному развитию технического прогресса, человечество замерло у бездны земной цивилизации; а посему, Бог весть, технический прогресс для человека – добро или зло…

По Александру Куприну технический прогресс – воистину Молох технократии, Зверь Апокалипсиса – в трагически вершинном развитии вырвется из человечьих рук, чтобы убить в человеке душу, затем и плоть. Подобную трагедию в древности провидели любомудрые русские сказители, старинари; вспомним былину «Мамаево побоище»:

Говорят тут два брата Долгополые,
Как Лука, Матвей, дети Петровые:
«А кто бы нас мог победить нонче?
Кабы было золото кольцо в земле,
Поворотили бы мы мать-землю!
Кабы была на небо лестница.
Мы пересекли бы всю силу небесную».
Говорил им Илья таково слово:
«Уж вы гой еси, два брата Долгополые!
Уж как эти ваши слова богопротивные».

Нынешние жрецы технократического, буржуазного Молоха, вооружившись «богатырской» мощью технической цивилизации, ухватив «золото кольцо», вот-вот кажется «поворотят мать-землю», и, будучи исповедниками демонической философии нигилизма и цинизма, «пересекут и силу небесную» – лишат души человеческие *божественного* духа. Впрочем, до «силы небесной» у жрецов Молоха руки коротки; скорее «сила» их покарает, хотя и на всё воля Божия.

* * *

Главный герой повести – инженер Бобров, образ близкий писателю даже житейски – Александр Куприн некое время работал в Донбассе на рельсопрокатном заводе и писал повесть по свежим впечатлениям. Бобров – романтик, преклоняется перед светлым гением Пушкина, вдохновляется красотой природы, красотой человеческой души, созвучной природе; но с тоской взирает на былой храм природы, который жрецы Молоха технократии обращают в гигантскую фабрику по обращению человека в обездушенный придаток машины: «Казалось… сверхъестественная сила приковала их на всю жизнь к… разверстым пастям, и они под страхом ужасной смерти должны… без устали кормить ненасытное, прожорливое чудовище…»

Даже стилистика повествования подчёркивает зловещий облик технократического мира: зарево над заводскими трубами – *кровавое*, электрические лампочки в окнах корпусов отсвечивают *мёртвым* блеском. После столь сумрачной, мертвенно-холодной картины приговором звучит отчаянное восклицание инженера Боброва: «Вот он, – Молох, требующий человеческой крови!».

По Куприну Молох технократии – кровожадное божество современной цивилизации и буржуазного прагматизма – привносит в жизнь трупно-холодную искусственность: искусственный воздух, искусственная вода, искусственная одежда и питание, искусственная люди, искусственные отношения меж людьми. Утрачивается в человеческом земном бытие *божественное*, а потом и житейски натуральное, природное; люди уже не живут, но обитают в искусственной, противоестественной среде, обращаясь в роботов.

Герои купринской повести – разом и жрецы Молоха, и жертвы, ибо принесли на алтарь демона Богом дарованные души. Боль за раздавленного промышленной цивилизацией человека водила пером писателя, который сумел к тому же в коротком повествовании обрисовать скупыми, но яркими и верными цветами рабовладельца эпохи научно-промышленного прогресса и его наёмных угодников. При переиздании повести в 1903 году Александр Куприн усилил характер «обер-жулика» Квашнина, и характеры буржуазно-технократической интеллигенции, обслуживающих жрецов Молоха, напоминающих «прорабов перестройки» России на «дикий» буржуазный лад.

Духовная, социальная неприязнь Александра Куприна к жрецам технократического Молоха столь сильна, что в ущерб художественности писатель изображает их сатирически гротескными, а само повествование в сих фрагментах обретает острейшее публицистическое звучание.

Вот как писатель видит верховного жреца Квашнина: «Квашнин сидел в кресле, расставив… колоссальные ноги и выпятив вперёд живот. На нём была круглая фетровая шляпа, из-под которой сияли огненные волосы; бритое, как у актёра, лицо с обвисшими щёками и тройным подбородком, испещрённое крупными веснушками, казалось заспанным и недовольным; губы складывались в презрительную, кислую гримасу. (…) Лицо его ничего не выражало, кроме брезгливого утомления».

Квашнин имеет триста тысяч дохода, что для жреца в нечеловеческих условиях зарабатывают рабы – рабочие заводов; и всю прибыль Квашнин «проживает до копеечки», предаваясь дьявольски изощрённому любострастию. Образ Квашнина, типичного буржуа, созвучен образу нынешнего *нового «русского»*, ничего русского в душе не уберёгшего, полагающего, что за деньги всё на свете можно купить, даже любовь женщины. Но любовь не купишь, и Квашнин покупает вовсе и не любовь Нины, а лишь обманчивую видимость любви.

За верховным жрецом буржуазного Молоха жадно толпятся жрецы помельче и прислужники жрецов, что за тридцать сребреников продали души золотому тельцу и надеются подобострастным прислужничеством, хитростью, коварством выбиться в высшую жреческую касту. Вот самоуверенный директор завода Шелковников – подставное лицо, руководит лишь официально, так сказать на бумаге; вот инженер Свежевский, подхалим, мечтающий к сорока годам стать миллионером и ради сего готовый играть любую унизительную роль, – женится по желанию Квашнина на Нине Зиненко, чтобы тут же отдать её Квашнину в любовницы. «Заведующий складом Зиненко под видом высказывания всякому в глаза «истинной правды» грубо, но приятно льстит начальству, ябедничает на сослуживцев, а с подчинёнными обращается деспотически. Нормой поведения этих людей является ложь, а единственным светилом в небе – копейка».

Завскладом, его жена, дочери – даже не грешники, исповедники греха, служители зла; и лишь в душе Нины Зиненко, которую любит инженер Бобров, борение света и тьмы; но коль девушка – плоть от плоти порождение «паучьего семейства», то демон приспособленчества постепенно пожирает и её душу. И к закату повествования героиня уже достойна жреческой касты Молоха – продаёт душу и плоть верховному жрецу Квашнину.

«Перед Куприным стояла трудная задача: противопоставить «грязному, жирному мешку, битком набитому золотом», иную силу. Он выбрал центральной, положительной фигурой повести честного правдоискателя, интеллигента (…). Представителя той части тогдашней интеллигенции, которая защищала обездоленных. (…) Но Бобров слишком слаб для бо¬рьбы. Больной, сломленный человек, он и сам жертва Молоха. Куприн, отмечает в нём бесхарактерность нервного интеллигента, возбудимость, неуверенность, постоянные переходы от восторга к отчаянию» *(источник высказывания утрачен)*.

Разумеется, для молодого Александра Куприна, выходца из смутной российской интеллигенции с её размытыми духовно-нравственными идеалами, положительный образ не рождался в воображении, не виделся в ближних. Писатель пытался узреть идеал в Боброве, романтике и анархисте, но, будучи по натуре правдивым, вольно ли, невольно изобразил идеологическую смуту в его душе, чуждой народно-православному, крестьянскому духу. А посему Бобров и не возвысился до народного идеала, не стал положительным героем повести и образцом для *народного* подражания.

Куприн, похоже, провидел, что бунтующая интеллигенция породит русскую революцию, и революция во имя освобождения рабочих и крестьян от рабства утопит рабочих и крестьян в крови братоубийственной войны. Говоря о будущности России, пророчески сказал о русской интеллигенции святой и праведный Иоанн Кронштадтский: «Держись же, Россия, твёрдо веры твоей, и Церкви, и Царя Православного, если хочешь быть непоколебимой людьми неверия, безначалия и не хочешь лишиться царства и Царя Православного. А если отойдёшь от… веры, как уже отпали от неё многие интеллигенты, то не будешь уже Россией или Русью Святой, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга. И если не будет покаяния у русского народа – конец мира близок. Бог отнимет от него благочестивого Царя и пошлёт бич в лице нечестивых, жестоких, самозваных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами…».

* * *

Повесть Александра Куприна «Молох» – не социально-обличительный газетно-журнальный очерк, какие умирают вместе с очередным номером газеты либо журнала. Пока русский народ не обрёл смиренную веру во Христа Спасителя, пока в душе скверна одолевает святость, пока техническая цивилизация порабощает человека – Подобие Божие и природу – Творение Божие, повесть Александра Куприна «Молох» современна и злободневна. Читаешь иное рассуждение, ну, словно о нынешнем веке: «Время вздорожало до того, что скоро начнут ночь превращать в день, ибо уже чувствуется потре6ность в такой удвоенной жизни. Сделка, требовавшая раньше целых месяцев, теперь оканчивается в пять минут. Но уж и эта чертовская скорость не удовлетворяет нашему нетерпению… Скоро мы будем видеть друг друга по проволоке на расстоянии сотен и тысяч верст!.. А между тем всего пятьдесят лет тому назад наши предки, собираясь из деревни в губернию, не спеша служили молебен и пускались в путь с запасом, достаточным для полярной экспедиции… И мы несемся сломя голову вперед и вперед, оглушенные грохотом и треском чудовищных машин, одуревшие от этой бешеной скачки, с раздраженными нервами, извращенными вкусами и тысячами новых болезней…».

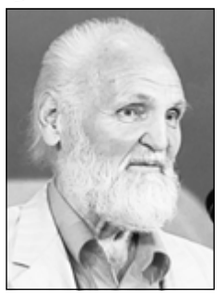
Молох патриархально-общинного строя, впрочем, как и социалистического, принёс человечеству значительно меньше зла, чем Молох капитализма, поскольку с развитием техники, обузданием природы жрецы Молоха обретают гигантскую мощь, неуправляемую, смертельную для всего живого на земле. Лишённые боголюбия и человеколюбия, жрецы Молоха в эпоху мощного развития техники становятся в дьявольских пороках ещё более искусными, ещё более опасными для природы, человека, да и всей Вселенной.

Возможно, человечество очнётся от технократического угара, вернётся в поля и леса, к сёлам и деревням, к патриархальному крестьянскому миру м поклонится с Христовой молитвой матери-сырой земле, но то уже иная песнь.

Владимир КРУПИН

Язык Шолохова – рентген души народа

Слово – вот тайна



Что ни скажи о роли языка в художественной литературе, всё будет мало и приблизительно. Сам, дерзая писать, я забредал в его океанские воды и плескался в них. Но, видимо, только у берега, ибо только то и понял, что познание языка, особенно русского, никогда и никем не закончится. Но нам досталась радость наслаждаться его живительными водами, которые текут из чистых родников русской классики.

В детстве меня мучила тайна, как это так: я читаю строчки слов, а вижу не их, а людей, природу, животных, дальние страны, слышу разговоры, даже запахи ощущаю. Как же так? Я поднимал книгу к окну, к лампе и глядел на просвет, полагая, что там, внутри этих строк, идёт жизнь, которую я узнал, бегают человечки, скачут лошади, гремят поезда, плывут пароходы.

В разговоре с Георгием Васильевичем Свиридовым я как-то сказал, что могу понять и живопись, и архитектуру, и всякие науки, но что музыка для меня недосягаема. «Что вы, – отвечал он, – музыка это так просто: слышу её, и записываю. Слово – вот тайна: словом всё создано, всё выражается словом. В нём всё».

И ещё одно я усвоил и исповедую: русский язык, на котором я прочитал бессчётное количество книг, только тому открывается, кто любит главного носителя этого языка – русского человека: сибиряка, архангелогородца, волгаря, уральца, жителей Центральной и Южной России. И, любя Михаила Шолохова, преклоняясь пред его талантом, ясно понимаю, что если бы русское казачество не было им воспето, мы бы, возможно, и не узнали бы его в его полноте.

А что помогло Шолохову быть Гомером, Нестором, летописцем своего народа? Конечно, прежде всего – язык. С первых строк «Тихого Дона» мы сразу видим, именно видим, Дон, Вёшенскую, Мелеховых, сенокос, рыбную ловлю… Вот Аксинья идёт за водой, вот шальной Гришка преграждает ей путь. Мы же не строчки читаем, мы настоящую жизнь постигаем. У нас сердце начинает болеть, когда показываются горести и печали казацких событий: мира, войны, революции, когда брат идёт на брата, когда уходят из жизни родные нам люди. Когда отпевают донские соловьи Наталью и Аксинью, и её дочку. Прощаемся с Нагульным и Давыдовым. И стоим рядом со Щукарём, полюбившимся нам, и вместе плачем у их могилы.

Язык Шолохова – это русский язык в его принадлежности к яркой своей разновидности – казачеству Дона. Язык Шергина, Белова, Абрамова – север России, Астафьева, Распутина – Сибирь, Носова – коренная центральная Русь, Лихоносова – Кубань, Потанина – Южный Урал… Но все названные писатели, конечно, смиренно уступали первенство таланту великого Шолохова.

Вспоминаю и нападения на него. От того, кто хотел быть главным писателем судьбоносного XX-го века. Но таковое место было уготовано рабу Божию Михаилу.

Всем мы, русские, мешаем жить. Только что прочёл исследование казанского учёного, что русский язык – это язык тарабарский, с корнями тюркско-татарскими. В другой, московской публикации прежние бредни о шотландце Михаиле Юрьевиче и об эфиопе Александре Сергеевиче. Я мог бы согласиться, если бы в Шотландии был свой Лермонтов, а в Эфиопии Пушкин. Так ведь нет же! Дело в том, что они – дети русского языка. И никакой другой язык не смог бы вывести их на всесветную значимость, только русский. Он и язык общения душ и сердец, он и Богослужебный.

А уж взять несчастную Украину. Как пыжатся их теперешние умы доказать, что Украина начало всех начал, что наш русский язык где-то на задворках, что они – умы, а мы – увы. Смешное дело: любое русское слово наизнанку вывернут, изуродуют и изобразят из него первородное. То есть, как угодно, лишь бы не по-москальски. Тенденциозность здесь очевидна, а где тенденция, там её недолговечность.

Вернёмся к языку Шолохова. В детстве меня навсегда пленили сказки Пушкина. Вот как это можно представить: «Из лазоревой дали показались корабли»? Тогда впервые узнал это изумительное слово «лазоревый». И позднее оно соединилось с образом лазоревой степи у Шолохова. И я как-то старался представить такую степь. Когда был в Вёшенской на столетии со дня рождения Шолохова, пытался выйти из станицы. Но Вёшенская оказалась такой огромной, что не выпустила из себя, до степи я не дошёл. Осталась она в воображении – цветущей голубизной, небесной распахнутостью и утренней свежестью. И шолоховский язык весь такой – лазоревый.

В совершенно потрясающей картине похорон любимой женщины, когда Григорий поднимает свои ослепшие от горя глаза, он видит чёрное солнце. И сила шолоховского слова такова, что и мы видим это солнце. Мы уже понимаем, что Григорий идёт на смерть. Как и тогдашняя Россия. Но также мы знаем: воспрянет наше Отечество. Ещё жив его сын. Ещё мы живы.

Ибо не может погибнуть народ, говорящий на русском языке.